

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ФАНТАСТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF FICTION ELEMENTS IN POLITICAL DISCOURSE

**N. Kharchenko
I. Sinitsyna
E. Yanova
T. Galeeva
I. Bagdasarova**

Summary: This article examines the category of the fantastic in political discourse - its linguistic expression and the reasons for its appearance. The article explores one of the most important linguistic means of expressing the fantastic in political discourse - metaphor. The use of elements of the fantastic in political discourse is considered on the example of the book «Maxims and Thoughts of the Prisoner of St. Helena» by Count Las Kaz.

Keywords: political discourse, category of fiction, metaphor, the French language

Харченко Николай Леонидович

старший преподаватель, ГАОУ ВО «Московский
государственный институт физической культуры,
спорта и туризма имени Ю.А. Сенкевича»
m-rh@mail.ru

Синицына Ирина Андреевна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (ПКУ)»
renie_80@mail.ru

Янова Елена Александровна

старший преподаватель, АНО ВО
«Московский Международный Университет»
stonel@rambler.ru

Галеева Татьяна Ильинична

К.ф.н., доцент, АНО ВО
«Московский Международный Университет»
tilisait@gmail.com

Багдасарова Илона Юрьевна

старший преподаватель, Московский физико-
технический институт
(национальный исследовательский университет)
artameli@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается категория фантастического в политическом дискурсе – ее языковое выражение и причины появления. Исследовался один из важнейших языковых средств выражения фантастического в политическом дискурсе – метафора. Использование элементов фантастического в политическом дискурсе рассматривается на примере книги «Максимы и мысли узника Святой Елены» графа Лас Каза.

Ключевые слова: политический дискурс, категория фантастичности, метафора, французский язык.

Изучение политического дискурса, а также элементов фантастики в нем, широко распространено среди современных исследователей [11, с. 105]. Ученые проводят исследования в разных областях данной тематики, изучая, например, политический дискурс как западных политиков [10, с. 394], так и восточных [9, с. 189]. Также проводятся исследования и практическое внедрение преимущественно речевых технологий в политическом дискурсе, способных передать более или менее точный смысл конкретного авторского текстового сообщения [3, с. 89]. Естественно, что речь политика должна быть аргументирована, даже при употреблении элемента фантастики [2, с. 60]. В современном образовании на соответствующих специальностях этому уделяется пристальное внимание [4, с. 9].

Фантастику и фантастическое мы понимаем, как опи-

сание и выражение сверхъестественного, необыкновенного, необычного. В семантике текста и в литературоведении фантастическое понимается как построение, создание идей, образов и символов с опорой на существование некоего вымышленного автором волшебного мира, как изображение странного и неправдоподобного. В результате создается некое двоемирие: бытие делится на реальное и фантастическое, волшебное. Фантастический мир может существовать в некоем волшебном, идеальном пространстве или в идеальном, «золотом» времени.

Для политического дискурса характерно изображение идеального, неправдоподобного пространства или времени («светлого будущего», идеальной «Страны Советов», идеальной России и т.д.). В этом фантастическом пространстве или времени якобы не существует

проблем или недостатков: политики стремятся уверить аудиторию в том, что, благодаря определенной сумме действий их самих или их партий, это идеальное время (золотой век) очень быстро наступит.

Собственно говоря, фантастическое в политическом дискурсе тесно связано с утопическим мышлением, с изображением утопии – идеального государства, общества или эпохи. Утопия – это нечто фантастическое, несбыточная, неосуществимая мечта [8, с. 22]. Утопия как жанр восходит к одноименному произведению Томаса Мора[7].

Фантастическая образность присуща практически всем жанрам политического дискурса и формируется на основании использования таких средств художественной выразительности, как метафора, гипербола, литота, гротеск, сравнение, метонимия, аллегория, персонификация, образный параллелизм и т.д. К средствам выражения фантастического также относятся аллюзии, эпитеты, иногда – крылатые выражения, пословицы и поговорки [5, с. 34]. Нередко используются лексические заимствования [1, с. 99].

Одним из важнейших языковых средств выражения фантастического в политическом дискурсе является метафора. С.И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» называет метафорой вид тропа или скрытое образное уподобление [8, с. 368]. Метафора, основанная на преувеличении, называется гиперболической. Гиперболические метафоры особенно часто используются в политическом дискурсе.

«Метафора – самый емкий троп. Метафоричность – одно из главных свойств художественного, словесно-образного мышления», – пишет Э.Я. Фесенко [12, с. 154]. Исследовательница продолжает: «В метафорах проявляется способность художественного слова открывать новые соотношения смысловых, реальных понятий. Метафора – не простое сравнение, а сравнение, доведенное до такой степени близости сравниваемых предметов, что они как бы полностью сливаются друг с другом в воображении автора».

Далее мы рассмотрим использование языковых средств выражения фантастического в политическом дискурсе и обратим особенное внимание на метафору.

Метафора является носителем того смыслового содержания, которое вкладывают в нее политтехнологи (создатели политических текстов). Благодаря этому особому смысловому содержанию метафор осуществляется влияние на сознание и подсознание аудитории. Возникает особое семантическое пространство, общее для адресанта (отправителя сообщения) и адресата (получателя сообщения).

Использование элементов фантастического в политическом дискурсе мы рассмотрим на примере книги «Максимы и мысли узника Святой Елены», в которой граф Лас Каз, добровольно последовавший за Наполеоном Бонапартом в его изгнание, запечатлел высказывания императора, его меткие афоризмы, фрагменты политических речей и т.д. Данная книга была выпущена за год до смерти Наполеона в Париже под названием «Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. Перевод с английского».

Перед исследователями возникал и возникает вопрос: насколько был точен Лас Каз в своей фиксации высказываний Наполеона. «Теперь уже невозможно сомневаться в подлинности слов, приписываемых Лас Казом Наполеону, ибо те же беседы возобновлялись, те же мысли возникали вновь и получали дальнейшее развитие на страницах записок других членов свиты Наполеона на острове св. Елены», – пишет современный исследователь С.Н. Искюль [6, с. 10].

«Максимы и мысли» представляют собой сборник из 469-ти высказываний Наполеона, касающихся политики, истории, современности, литературы, философии. Все, что Наполеон Бонапарт говорил или писал на Святой Елене, было предназначено и для современников, и для потомков. Поверженный император создавал миф о самом себе и своем владычестве в Европе, используя многочисленные элементы фантастического.

Например, император следующим образом оправдывал свое тираническое правление: «Когда народ в государстве развращен, законы почти бесполезны, ежели не управляется оно деспотически». А поскольку развращенным a priori можно назвать любой народ, то и деспотическое правление провозглашалось, таким образом, единственно целесообразным. Интересна в данном плане оговорка «почти»: Наполеон не говорит о том, что законы бесполезны в принципе, а лишь о том, что они почти бесполезны (у каждого правила есть исключения).

Себя Наполеон видел личностью совершенно исключительной, планетарного масштаба, имеющей право на всё, без каких бы то ни было ограничений. Так, он говорил: «С того времени, как я стал во главе государства, я советовался только с самим собой, и это меня вполне устраивало: совершать ошибки я начал только тогда, когда стал прислушиваться к тому, что говорят советники».

В языковом плане здесь представляет интерес многократное повторение местоимения «я» или его форм («меня»). Себя Наполеон считал неспособным на ошибку: согласно этой максиме, ошибаться император стал только тогда, когда прислушался к чужим советам, что содержит элементы фантастического. Латинская мудрость гласит, что все люди ошибаются, ошибки, как и грехи,

свойственны человеческой природе. Не ошибаются только боги: однако себя Наполеон считал, по крайней мере, полубогом (особенно после того, как сам возложил на себя императорский венец). Общеизвестно, что императора Наполеона Бонапарта художники-современники часто изображали в облике бога войны Марса, подобно тому, как короля Людовика XIV (Короля-Солнце) изображали в образе златокудрого Феба-Аполлона.

В «Максимах и мыслях...» Наполеон отождествляет себя и Францию. Император повторяет: «Я и Франция...», «Меня и Францию...», например: «Накипь времен революции и грызня партий не могли бороться против меня и Франции». «Накипь времен революции» – это содержательно и идеологически важная метафора, в которую Наполеон Бонапарт вкладывает особый смысл, и, благодаря которой раскрывается отношение императора к революции.

«Накипь, оставшаяся на стенках кофейника» – так образно Наполеон Бонапарт описывает последствия Великой Французской революции и тем самым принижает те революционные процессы, которые породили и его самого, привели его на политическую сцену Европы и сделали одним из главных игроков на этой сцене. В то же время метафора «накипь революции» связана с кипением политических страстей, характерных для революционного процесса. Но при этом Наполеон Бонапарт подчеркивает, что и «накипь революции», и «грызня партий» не могли справиться с ним, с новым Сверхчеловеком, с будущим властителем Европы. Таким образом, Наполеон Бонапарт создает миф о самом себе – непобедимом и могущественном. Конечно же, этот миф – порождение стихии фантастического, сверхъестественного, иррационального.

Вообще личное местоимение «я» и притяжательное местоимение «мой» постоянно повторяются в речах Наполеона: «В Европе списывают мои законы, подражают моим учреждениям, завершают мои начинания, следуют моей политике и так далее, вплоть до тона, который задавал мой двор; значит, мое правление было не так уж плохо и нелепо, как о том говорят?» [6, с. 41]. Подобные повторы служат созданию мифа о Наполеоне Бонапарте как об идеальном властителе.

Император до такой степени отождествлял себя и Францию, что связывал ее величие и благополучие исключительно со своим правлением и своей персоной и не принимал в расчет других людей и обстоятельств. Такое отождествление правящей личности и государства, соединение императора с идеей идеально счастливой империи, некоего утопического общества, которое живет и развивается по мановению правящей длани Бонапарта, является фантастическим, представляет собой элемент фантастики в политических высказываниях императора. Бонапарт рисовал утопическую картину

счастливой Франции и блаженствующей под его скипетром Европы; в действительности картина была не такой радужной.

Те страны и культуры, которые оказывали сопротивление наполеоновской Франции, император называл низкими или недостойными государя из его династии: «Я совершил ошибку, вступив в Испанию, поелику не был осведомлен о духе нации. Меня призвали гранды, но чернь отвергла. Страна сия оказалась недостойной государя из моей династии».

Таким образом, в политических речах Наполеона Бонапарта присутствовала совершенно фантастическая картина Европы, с исключительной по отношению к другим странам и народам Францией и неполноценными, убогими европейскими государствами: фанатичной Испанией, торгашеской Англией, трусливой и скучной Германией. Недостатки других стран и культур, действительно имевшие место, Наполеон изображал гипертрофированно преувеличенными, а о достоинствах предпочитал умалчивать. В результате Франция в политических речах Наполеона изображена идеальным государством-утопией, а сам император – полубогом.

Отправляя своих солдат в Париж, к Директории, Наполеон говорил: «Солдаты! Горы отделяют нас от Франции. Если нужно, мы перелетим их на крыльях, чтобы ограбить правительство и защитить свободу и Республику. Как только роялисты появятся – их дни будут сочтены».

Создавая миф о себе как о сверхчеловеке, Наполеон одновременно создавал миф о Великой Армии, которая способна на все – в том числе и перелететь через горы. Оба этих мифа являются проявлением фантастического в политическом дискурсе Франции времен владычества Наполеона. Выражение «если нужно, мы перелетим их (горы) на крыльях» является гиперболой, с помощью которой создается атмосфера фантастического, формируется образ идеальной, непобедимой армии, состоящей из «гигантов», полубогов.

Кроме того, перед нами аллюзия к мифу о Дедале и Икаре. Как известно, хитроумный изобретатель Дедал сделал крылья, подобные птичьим, с помощью которых мог преодолевать природные препятствия. Прикрепив эти крылья, Дедал и его сын Икар покинули остров Крит, но Икар взлетел слишком высоко и разбился, а Дедал сумел долететь до Сицилии, где жил у царя Кокала и обучал местных мастеров. Дедал действительно преодолел пространство с помощью изобретенных им крыльев. Используя образы древнегреческой мифологии, Наполеон Бонапарт обожествляет не только себя, но и своих солдат, уподобляя их полубогам. В итоге создается фантастический образ «армии гигантов», полубогов, ведомой новым богом Марсом, величайшим полковод-

цем всех времен и народов.

Более того, император неоднократно указывал, что победили его не люди, а стихии: «В Москве уже весь мир готовился признать мое превосходство, стихии разрешили этот вопрос».

Метафора «стихии разрешили этот вопрос» указывает на то, что «сверхчеловек» Наполеон Бонапарт, неподвластный людям, стал жертвой стихий и, прежде всего, русского мороза (Генерала Мороза). Подобное мнение о себе, бесспорно, фантастично, является элементом фантастического в политических высказываниях, а также в публицистических и литературных произведениях императора.

Таким образом, к языковым средствам проявления фантастического в политическом дискурсе наполеоновской эпохи бесспорно можно отнести метафоры, эпитеты, гиперболы, олицетворения, аллюзии. Наполеон Бонапарт создавал авторские мифы о себе и о своем правлении идеальной страной, запечатленные в его политических речах, письмах, максимах.

Метафоры императора рождаются в его политических текстах с целью сравнения Франции с остальной Европой не в пользу последней. При этом, вместе с фантастическим восприятием реальности страны, читатель между строк наблюдает манипулирование человеческим сознанием как неотъемлемую особенность метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов С.В. Лексические заимствования в сочинениях Ф. де Оливейры и их распределение по семантическим полям // *Stephanos*. 2018. №6 (32). С. 98-111.
2. Бузук Л.Г. Аргументация как характеристика качества речевой деятельности // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2016. №2. С. 60-64.
3. Бузук Л.Г. Герменевтико-лингвистическая модель текстового общения // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия»*. 2015. №4. С. 88-94.
4. Ганюшина М.А., Варфоломеева Н.С. Когнитивно-исследовательский метод обучению иноязычной лексики студентов нелингвистических факультетов в рамках лингвокультурологического подхода // *Коммуникация в современном политкультурном мире: культура, образование, политика / Ежегодный сборник научных трудов*. Москва. 2018. С. 8 -15.
5. Дэвидсон Д. Что означают метафоры. М., 1990.
6. Искюль С.Н. Максимы и мысли узника Св. Елены/пер. с фр. С. Н. Искюль. — Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1995.
7. Мор Т. Утопия. Перевод с латинского А.Г. Генкель при участии Н.А. Макшеевой. С биографическим очерком Т. Мора, составленным Н.А. Макшеевой (с портретом Т. Мора), Спб. 1903.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка, М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — 736 с.
9. Сафонов М.А. Особенности формирования объективной модальности в китайском политическом дискурсе // *Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации / Сборник научных трудов*. Москва, 2018. С. 189-196.
10. Усов С.С. Содержательно-концептуальный аспект информативности политического дискурса (на примере «Фултонской речи» У. Черчилля // *Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации / Сборник научных трудов*. Москва, 2018. С. 394-400.
11. Усов С.С., Сафонов М.А., Харченко Н.Л. Эмоционально-оценочная номинация реалий в политическом дискурсе в XXI в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. №3 (146). С. 105-109.
12. Фесенко Э.Я. Теория литературы. М.: Академический проект, 2008.

© Харченко Николай Леонидович (m-rh@mail.ru), Синицына Ирина Андреевна (renie_80@mail.ru), Янова Елена Александровна (stonel@rambler.ru), Галеева Татьяна Ильинична (tilisait@gmail.com), Багдасарова Илона Юрьевна (artameli@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»